

Елена АВРААМОВА,
Иосиф ДИСКИН

Социальные трансформации и элиты

Оживившийся интерес к теоретическому анализу происходящих сегодня у нас общественных процессов, кажется, сменяет преобладавшую ранее публицистическую тональность. Однако уже первые разработки показывают, что исследователям недостаточно чисто политических или экономических категорий. Например, в сегодняшних спорах о путях российских реформ, о развитии общества в целом в центре внимания оказываются макроэкономические проблемы, разворачиваются дискуссии о важности гармоничного сочетания макро- и микроэкономического анализа. В то же время почти не обсуждается вопрос о макросоциальных предпосылках преобразований, об их соответствующем теоретическом осмыслении.

Если же подойти к реформам с точки зрения макросоциальной, то встает вопрос выбора обобщающей категории для их описания. Нам представляется возможным выбрать в качестве такой категории понятие *«трансформация»*. Ведь в исследовании социальных трансформаций вряд ли возможно ограничиться лишь нормативно-институциональным уровнем. Столь же маловероятно, что изучение конкретных противоречий, возникающих в функционировании тех или иных конкретных организаций, может стать предметом исследования трансформационных процессов. В то же время использование понятия *«трансформация»* позволяет найти подход, допускающий соотнесение нормативно-институциональных преобразований, с одной стороны, и макросоциальных изменений в функционировании соответствующих институтов — с другой.

Представляется, что соответствовать требованиям такого соотнесения может социокультурный уровень — *доминирующие в обществе ценности, мотивации и модели социального действия*. Безусловно, соответствующие социокультурные изменения, происходящие в обществе, вносят серьезные изменения в характер функционирования всей системы социальных институтов даже в том случае, когда формально, с нормативной точки зрения они остаются неизменными.

Вполне очевидно, что изменения на социокультурном уровне являются *как предпосылками, так и результатами собственно институциональных преобразований*. Но эти изменения, как показывает анализ европейской и российской истории, протекают относительно независимо, что и предполагает социальное исследование трансформационных процессов. По существу, ученый в этом случае сталкивается со следующей триадой. Во-первых, трансформация социальных институтов в их нормативном, прежде всего правовом, описании. Во-вторых,

Авраамова Е. М. — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Специалист в области проблем социальной политики.

Дискин И. Е. — доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Специалист по социально-экономическим проблемам культурного развития и культурной политики.

макросоциальная трансформация, характеризующаяся сменой или изменениями доминирующих в обществе моделей и мотивов социального действия. В-третьих, интегральная характеристика трансформационных процессов, связанная с анализом взаимоотношений и противоречий между первыми двумя предметами исследования.

Введение в предмет анализа социокультурного контекста ставит перед исследователем новую проблему: *ориентации социальных трансформаций*. Оставаясь на нормативно-институциональном уровне изучения, можно абстрагироваться от целей социальных трансформаций, ограничиваться ценностно-нейтральным описанием происходящих изменений. При переходе на социокультурный или же интегральный уровень подобное абстрагирование уже невозможно, поскольку сами изменения ценностей, мотиваций и моделей социального действия довольно тесно связаны с замыслами всего процесса социальных трансформаций. Однако здесь возникает еще один круг противоречий между целями различных макросоциальных субъектов трансформаций и интегративной ориентацией социальной трансформации, возникающей в ходе их взаимодействия.

Наряду с понятием ориентации социальной трансформации следует ввести и понятие «потенциально возможные направления трансформации», определяемые соотношением сил, наличием разного рода ресурсов (материальных, организационных, информационных, социальных и т. п.) у всех участников процесса. Вполне очевидно, что спектр потенциальных макросоциальных ориентаций существенно уже, чем множество бытующих в обществе нормативных представлений. И представления, не обладающие социальными ресурсами, не имеют шанса оказать серьезное влияние на складывание макросоциальной ориентации.

Сегодня обсуждение этого круга проблем в сильно суженном виде сведено в основном к социальной поддержке проводимых реформ. Совершенно не случаен интерес к опросам общественного мнения. При этом основное внимание исследователей сконцентрировано на выработке нормативного теоретического представления о реформах, т. е. какими должны быть реформы. Гораздо меньше внимания уделяется проблеме — *какие реформы возможны «здесь и сейчас», в конкретно-исторических условиях современной России*.

Однако ответ на этот вопрос непосредственно связан с изучением того, какие представления о реформах складываются у наиболее влиятельных субъектов социального действия, реально формирующих общественный процесс. Очевидно, что данные представления, сложившиеся в результате причудливого смещения прошлых и новых идеологем, неотрефлексированного ощущения собственных социально-экономических интересов, сегодня даже более значимы, чем целостно выстроенные научные концепции реформирования. Методологически отрефлексированный анализ указанных представлений позволяет высветить многие качественные стороны хода реформ, его соответствие ценностям и интересам наиболее влиятельных слоев и групп нашего общества.

Трансформация и элиты: проблема субъекта

Как ни парадоксально, но современные исследования практически обходят вопрос о том, каким социальным слоям и группам принадлежит ключевая роль в проведении реформ. Без серьезного теоретического осмысления осталась проблема социального субъекта общественных реформ в России. Соответственно, мало внимания уделяется анализу позиций и "ожиданий" слоев и групп, выполняющих совокупную роль этого субъекта. Без серьезного изучения остаются и социальные (скорее, даже социологические) аспекты проведения реформ, т. е. процедуры, социальные взаимодействия и конфликты, в рамках которых реализуются социальные и экономические трансформации. Все это — связанные между собой проблемы, так как социальные аспекты реформ могут быть проанализированы

лишь на основе учета действий элит — основных субъектов реформ — через призму их взаимодействий и конфликтов¹.

Именно современная теория элит позволяет разобраться в процессах, происходящих в трансформирующихся обществах, к которым относятся и Россия, и все другие государства, входившие в Советский Союз. Здесь мы имеем относительно модернизированную элиту и во многом традиционалистские внеэлитные группы. Модернизованность сложившейся элиты характеризуется ее принципиальным признанием необходимости ориентироваться на рационализированные критерии функционирования государства и экономики, желанием использовать современные технологии и процедуры управления (реальное положение дел требует изучения).

Принципиальной новацией Дж. Хигли, преодолевающей прежний антидемократизм теории элит, как известно, являлось введение тех границ, которые накладывают внеэлитные группы на действия элит. Такое понятие требует анализа всех диспозиций взаимодействия элит и внеэлитных групп, позволяет многое понять в современном механизме функционирования демократических институтов. Элиты относительно свободны в принятии решений до тех пор, пока они не затрагивают священных ценностей внеэлитных групп в традиционалистском обществе или интересов этих же групп в обществе модернизированном. Такой подход, основанный на как бы пороговом характере взаимодействия элит и внеэлитных групп, позволяет подтвердить возможность функционирования представительной демократии, обеспечивающей сверку позиций элит и всего электората через довольно продолжительные промежутки времени.

Включая категорию «элита» в качестве одного из инструментов анализа трансформационных процессов российского общества, следует сделать важную оговорку. Принимая функциональный подход к выделению российских элит, следует понимать, что мы оставляем открытым вопрос о качестве исполнения ими соответствующих функций.

Исходная диспозиция

Многое из современного хода реформ станет понятным, если в рамках прежних советских элит выделить три их крупных отряда: отраслевые, региональные и идеологические элиты. Они различаются своим социальным положением, способом социально-экономического влияния, а также характеристиками доминирующего менталитета и, соответственно, установок по отношению к проводимым преобразованиям. В рамках взаимоотношений между элитами важно указать на одну проблему — на тип общественного развития, образ которого сохраняется в сознании и поддерживается теми или иными элитами. Очевидно, что идеологические элиты, выполнявшие роль «ночного сторожа» социализма, являлись основными проводниками идеолого-телеологической модели развития — воплощения в жизнь априорной, идеологически выстроенной конструкции общественной жизни².

В некотором смысле их союзниками выступали региональные элиты. Во-первых, в силу своего положения они были крепко связаны с традиционалистскими элементами, опирающимися на идеологические доминанты и в силу этого

¹ Под элитами, в смысле В. Парето и Дж. Хигли, мы в дальнейшем будем понимать те слои и группы, представители которых играют ключевую (позитивную или негативную) роль в выработке и реализации стратегических решений в ходе общественного функционирования, в том числе реформ и преобразований. При этом очевидно, что при прежнем режиме (на этапе его заката) понятие «элита» почти полностью совпадало с понятием «номенклатура», но в то же время к элите, безусловно, следует причислить, например, и верхи «диссидентов», позиции которых оказывали воздействие на советские «верхи», и не входивших в «номенклатуру», но достаточно популярных представителей творческой интеллигенции и т. п.

² О моделях развития см., в частности, Дискин И. В путях возмнившего разума. «Общественные науки», 1990, № 4; е г о же. Возможен ли сегодня социализм в СССР? «Общественные науки и современность», 1991, № 1.

подпитывающими данный тип развития. Во-вторых, ориентация на априорные идеологические конструкции, уход от рационализированного анализа ситуации позволяли поддерживать устойчивость статуса региональных элит вне зависимости от результатов непосредственной практической деятельности. В такой ситуации сохранение власти и «места под солнцем» покоилось на идеологической преданности и соблюдении корпоративной верности.

Несколько иное положение сложилось в отраслевых элитах, прежде всего в ВПК. Здесь более чем в других секторах общества сохранилась ориентация на реальные результаты, так как продукция этого сектора всегда находилась в состоянии конкурентного состязания со своими зарубежными «соперниками». Несмотря на разъедающую тенденцию «рапортности», рационализированный анализ достигнутых результатов, прагматизированный, утилитаристский взгляд на действительность все же был решающим. Приблизительно подобная ситуация складывалась и на верхних этажах народного хозяйства. В результате основной моделью развития, на которую во все большей степени ориентировались отраслевые элиты, стала *«социалистически оформленная модернизация»*. То есть некоторая слабо рефлекслируемая, но все же рационализируемая на инструментальном уровне конструкция, ориентированная на модернизацию советского общества, прежде всего народного хозяйства, и опирающаяся на сложную смесь идеологических и собственно научно-технических и социально-экономических представлений о путях развития страны в соответствии с «современными требованиями». При этом социалистические идеологи выступали уже не как «несущие элементы» этой конструкции, а лишь как условие обеспечения относительного невмешательства со стороны идеологических элит.

Для нашей концепции трансформации отечественных элит центральной представляется мысль о том, что в недрах советского режима с начала 30-х годов постепенно, испытывая на своем пути серьезные поражения, прокладывала дорогу «социалистически оформленная модернизация». При характеристике этого ориентира развития следует указать на то, что многие ценности социализма (социальная справедливость, коллективизм, духовность и т. д.) вполне сопрягались с таким пониманием модернизации. Новые элементы, введенные в социалистическую концепцию после смерти Сталина, такие как социалистическая законность, материальное стимулирование, ориентация на благосостояние, хозрасчет и прибыль, также расширяли модернизационное пространство внутри социалистической ортодоксии. Они являлись своего рода перекодированными (хотя и сильно ослабленными) эквивалентами либеральных ценностей экономической и политической демократии.

В переводе на язык макросоциальных ориентаций трансформации можно указать, что на предшествующем (сталинском) этапе нашего развития субъектом прежде всего выступало «государство», представленное специфическими социальными группами, а критериями ориентации — «динамика развития» и «военная мощь». Когда к этим критериям добавилась «социальная стабильность» и трансформация все более стала ориентироваться на поддержание неизменности социальных механизмов, возникшее противоречие критериев начало разрушительным образом воздействовать на весь трансформационный процесс. Существенным, но далеко не стабилизирующим элементом подобных ориентаций являлась необходимость согласования вводимых институциональных преобразований с нормами «социалистической теории», хотя это не было непреодолимой проблемой. Вспоминаются лекции профессора А. Бирмана в конце 60-х годов. Он говорил: «Давайте решим, как правильно делать, а цитаты из классиков мы подберем». Представляется, что здесь наиболее емко сформулировано существо «социалистически оформленной модернизации».

Естественно, внутри отраслевых элит также наличествовали существенные различия в приемлемой мере «социалистичности» этой модернизации, вплоть до идей о «капитализации» страны. Но общим местом анализа стал постепенный перенос акцентов на реальные проблемы развития в ущерб каноническим элемен-

там социалистической модели. При этом не следует забывать, что общими у отраслевых элит были имперские и милитаристские устремления, корни которых, впрочем, можно проследить у руководящих элит страны на всем многовековом историческом пути России. Представляется, что уже в эпоху «застоя» внутри отраслевых элит вместе с ее академическими «попутчиками» начал складываться социальный консенсус вокруг идеолого-генетической парадигмы общественного развития в форме «социалистически оформленной модернизации». Она исходила из того, что определенное общественное устройство, отвечающее идеологическим требованиям и социальным установкам, может быть создано путем постепенной модернизационной трансформации наличного общества, не требующей слома режима и других серьезных потрясений. Таким образом, была достигнута вполне органичная и искренняя конформная ориентация основной части отраслевых элит.

К этому «ядру» постепенно начинали примыкать наиболее мобильные элементы региональных и идеологических элит (с определенными модификациями), а также верхние, наиболее образованные и прагматично ориентированные элементы внеэлитных групп. Следует отметить и то, что в недрах советского общества выработались механизмы согласования интересов различных элитных групп, соответствующего их лоббирования (хотя не обходилось и без острых прорывающихся на поверхность конфликтов). Но в целом при общем доминировании отраслевых элит тенденцией 80-х годов стало постепенное усиление роли региональных элит в распределении ресурсов. В этом смысле народнохозяйственный план того периода можно представить как легитимную форму фиксации уровня влияния соответствующих элит, подкрепленную распределением ресурсов между конкретными секторами отраслевых и региональных элит.

Однако с течением времени для многих представителей отраслевых элит и их идеологических союзников рамки «социалистически оформленной модернизации» становились все более тесными из-за непрекращающихся попыток усиления своего влияния со стороны идеологических элит, их вмешательства в принятие стратегических решений. Все более явственно проявлялось тяготение социалистической и популистской риторики — данью, которую приходилось платить идеологической элите. При этом и сама идеологическая элита оказалась подверженной эрозии либерализма и прагматизма, хотя внешне и сохраняла «социалистическую девственность». Нарастало желание сбросить излишние идеологические покровы и дать простор уже внеидеологизированным конструкциям модернизации с ориентациями на динамику развития и социальную стабильность. При этом сохранялось серьезное влияние ВПК, требовавшего сохранения ориентации на военную мощь, идеологически сцепленную с нагнетанием мифа о военной угрозе со стороны Запада.

С начала перестройки произошло перераспределение влияния между элитами. Первые ее шаги, деидеологизированные лозунги ускорения были тогда позитивно восприняты еще и потому, что рассматривались как сигнал к пока неявному переходу руководства на платформу «неидеологизированной модернизации». Такое развитие событий объективно усиливало роль отраслевых элит. Но одновременно начинали пробивать дорогу и другие тенденции. Все более явный дух общественных перемен и неизбежный в этой ситуации подрыв идеологических устоев потребовали диалога руководства страны и общества. Такой диалог в силу разрыва позиций «верхов» и «низов», преимущественно ориентированных на прежние или смешанные ценности, предполагал использование, наряду с введением новых понятий, привычных стереотипов.

В результате резко активизировалось обсуждение проблемы целей общественного развития, упакованной преимущественно в социалистическую фразеологию. Социальная активность проявилась преимущественно в духовной сфере, а потому усилилась роль идеологических элит и примыкающей к ним творческой интеллигенции. Идеологические элиты не преминули воспользоваться открывшейся возможностью. В обществе возросло влияние идеолого-телеологической

концепции развития, и вновь главное внимание сосредоточилось вокруг выбора той модели общественного развития, которую необходимо воплотить в жизнь. При активизации обсуждения проблем *должного* резко снизилась значимость границ *возможного*, прагматических путей решения назревших проблем. Обсуждались долгосрочные перспективы, но не текущие практические вопросы. «Внеидеологизированная модернизация», не говоря уже о «социалистически оформленной модернизации», скомпрометированной своим родством с терявшими привлекательность идеологемами, утрачивала роль социального ориентира. Кроме того, важным условием и результатом усиления роли идеологических элит стала дискредитация отраслевых и отчасти региональных элит. Отраслевые элиты, прежде всего связанные с ВПК, стали основной мишенью для их конкурентов — идеологических элит. Если для региональных элит такая перемена вылилась лишь во временное их вытеснение из столицы, то для отраслевых элит она стала крупным политическим поражением, приведшим к их существенной деморализации и определенной разобщенности. Более того, в результате этого идеологического импульса внутри региональных элит Советского Союза, прежде всего России, начался процесс избавления от наиболее дискредитировавших себя элементов, продвижения наверх людей, более рационализированных, лучше понимающих и выражающих современные проблемы. Последние годы перестройки стали периодом последовательного наступления региональных элит, которые пытались отеснить набравшие силу идеологические элиты. На поверхности идущие процессы проявлялись в виде борьбы «консерваторов» и «демократов» в рамках попыток реформирования КПСС.

Драма политики М. Горбачева, как нам представляется, состояла в том, что он не уловил происходящих процессов и продолжал ориентироваться на прагматизм советских элит, в соответствии с которым они должны были сохранить верность «социалистически оформленной модернизации» как единственному способу баланса между собственными элитарными интересами, с одной стороны, и массовыми настроениями в поддержку социализма — с другой. При этом были одинаково переоценены как прагматизм и сплоченность советских элит, так и верность социалистическим идеалам со стороны активной части внеэлитных групп. В некотором смысле эпопею ГКЧП можно трактовать как попытку реванша прежних отраслевых элит, одновременно направленную против и «регионалов», и «идеологов» в расчете лишь на прежнее могущество. Это и предопределило ее крах. Устранение призрака всевластия отраслевых элит, который, безусловно, довлел над всеми участниками политической драмы, сразу же привело к отделению национальных республик, часть которых видела в деятельности доминирующих в СССР идеологических элит прямую угрозу собственным легитимности и статусу в самом ближайшем будущем.

В целом же после августа 1991 года «внеидеологизированная модернизация» как социальный ориентир реформ оказалась как бы «висящей в воздухе» без соответствующей прочной базы в среде влиятельных элитных групп. В обществе на время как бы исчезли генетические ориентации. На поверхности осталось лишь противоборство между равно радикальными путями преобразования: либо силовая либерально-рыночная трансформация, либо насильственная социалистическая реставрация. Важным результатом развития кризиса явилось установление новой сложной социальной диспозиции, в рамках которой произошел определенный фундаменталистский откат на «советские» ценности одних групп и закрепление на универсалистских ценностях рыночной экономики и демократии (пусть преимущественно на уровне идеологов)— других.

Позиции элитных и внеэлитных групп

С целью прояснения позиций элитных и внеэлитных групп по ключевым социально-экономическим проблемам в 1993 году нами было осуществлено социологическое исследование, в ходе которого опрошены:

Таблица 1

Оценка социально-экономической ситуации

	Мнение директоров (%)	Мнение населения (%)
1. Ситуация тяжелая, но намечились признаки социально-экономической стабилизации	13,1	5,4
2. Намечились признаки экономической стабилизации, но социальная напряженность продолжает расти	22,2	11,9
3. Экономическая ситуация продолжает ухудшаться, но социальная ситуация не грозит взрывом	24,2	21,4
4. Социально-экономическая ситуация находится на грани катастрофы	39,4	38,6
5. Затрудняюсь ответить	1,0	22,4

Таблица 2

Оценка препятствий на пути реформ

	Мнение директоров (%)	Мнение населения (%)
1. Реформа в целом не встречает серьезного сопротивления	1,0	3,2
2. Концепция реформ изначально не продумана и не учитывает реалий	54,5	22,7
3. «Номенклатура» оказывает серьезное сопротивление	8,1	8,4
4. Мешают мафия и коррупция	10,1	22,6
5. Мешают сепаратистские тенденции	1,0	2,3
6. Руководство аграрно-промышленного сектора не хочет переходить на новые формы хозяйствования	1,1	1,7
7. Мешает инерция населения	6,1	10,2
8. Реформы практически не начались. Сейчас идет лишь их имитация	16,2	25,6

— директора предприятий ряда регионов России (Московской области, Нижнего Новгорода, Краснодара и Новороссийска)— всего 99 респондентов данной группы;

— работники промышленных предприятий соответствующих регионов России — всего 1380 человек.

Собранная эмпирическая информация позволяет сравнить мнения и оценки, данные населением по некоторым вопросам, с позициями элит, составить представление о складывающихся взаимоотношениях элитных и неэлитных групп и, таким образом, выявить потенциально наиболее острые проблемы их взаимодействия, а также «пространство» социальной поддержки нарождающихся элит.

Таблица 1 демонстрирует оценки социально-экономической ситуации директоров и рядовых работников. В целом данные обеих колонок сопоставимы. Можно отметить лишь большие информированность и понимание происходящих процессов у директорского корпуса — среди них практически отсутствуют затруднившиеся ответить.

Для того чтобы выявить складывающуюся социально-политическую диспозицию, оценить приверженность различных групп наиболее распространенным мифологемам массового сознания, интересно проанализировать мнения относительно препятствий на пути реформ (см. табл. 2).

Полученные данные свидетельствуют, что ни одна из обследуемых групп не разделяет основных распространяемых средствами массовой информации версий о причинах неудач реформ. Респонденты, представляющие директоров и население, не склонны видеть причины социально-экономического процесса ни в

Таблица 3

Выбор модели развития

	Мнение директоров(%)	Мнение населения(%)
1. «Либеральная» модель, согласно которой государство должно обеспечивать правовую защиту предпринимательской деятельности, а социальная помощь населению должна быть делом благотворительных организаций	0,0	3,9
2. «Социал-демократическая» модель, согласно которой государство должно обеспечивать правовую охрану предпринимательской деятельности и защищать наиболее нуждающиеся слои населения	35,4	29,4
3. «Патерналистская» модель, согласно которой государство должно управлять значительной частью экономики и защищать все слои населения	62,6	64,1

Таблица 4

Приемлемость для России зарубежного опыта рыночной трансформации

	Мнение директоров(%)	Мнение населения(%)
1. Быстрый переход к рынку с использованием «шоковой терапии» (польский вариант)	4,0	5,2
2. Постепенный переход к рынку с активным участием государства (китайский вариант)	23,2	12,0
3. Затруднились ответить	15,2	32,0
4. Должен быть собственный вариант реформ. Никакие заимствования неприемлемы	57,6	50,0

инерции населения, ни в сопротивлении руководства аграрно-промышленного сектора. Сепаратистские тенденции, приведшие к разрыву хозяйственных связей, также не рассматриваются респондентами в качестве тормоза на пути реформ. Ни население, ни директора не видят препятствия на пути реформ в «номенклатуре». Мафия и коррупция представляются причинами кризиса в большей степени населению, чем директорскому корпусу.

Основной же причиной неуспеха реформ директора считают их изначальную непродуманность и оторванность от социально-экономических реалий. Эта же причина является первой по значимости и для населения (хотя среди населения этого мнения придерживается менее четверти опрошенных, среди директоров — более половины). Данная тенденция представляется крайне знаменательной, так как она подтверждает высказанную нами гипотезу о начавшемся процессе рационального осмысления реальности. Именно группы, разделяющие это мнение, могут стать опорой для проведения реалистической политики, апеллирующей собственно к процессу социальной трансформации российского общества, важнейшей частью которого как раз и является социальная адаптация населения к новым условиям.

Важной стороной социальной трансформации является формирование представлений о желательной модели социально-политического устройства. В качестве альтернатив респондентам были предложены три модели социально-экономического развития, различающиеся в зависимости от роли государства в управлении экономикой. Это позволяет, учитывая значение экономической проблематики в системе ценностей респондентов, более рельефно различать соответствующие модели, более тесно связать их с современными реалиями (см. табл.3).

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что либеральная модель, на которую ориентируется верхний эшелон властей, не пользуется поддержкой ни в одной из исследованных нами групп общества (за исключением, возможно, идеологических элит). Выбор идет между социал-демократической и патерналистской моделями и совершается в пользу последней в обеих группах респондентов. Соотношение сторонников этих моделей в обоих случаях 1 : 2. При этом следует иметь в виду, что «патерналистская» модель несет в себе отголоски прежних советских представлений о роли государства в экономике. Подобные представления способны сильно корректировать нормативные представления даже тех респондентов, которые заявляют о своей приверженности рыночной экономике. Это следует иметь в виду в дальнейшем при оценке «рыночных ориентаций» респондентов, которые явно представляют себе довольно своеобразную модель рынка «с советским лицом».

В качестве проверки устойчивости выбора пути общественного развития респондентам было предложено оценить варианты реформ, проводимых в Польше и Китае, которые широко обсуждаются средствами массовой информации и видными политиками в качестве образцов для России (см. табл. 4).

Данные таблицы 4 свидетельствуют о практическом отсутствии сторонников «шоковой» терапии. Относительно значим вес сторонников «китайской» модели среди директоров. Но все же большинство составляют противники каких-либо заимствований. Из приведенных мнений также видно, что директора делают свой выбор более сознательно (лишь 15% затруднились ответить), но лишь треть из них согласны предпочесть «китайскую» модель реформ, большинство же считают, что отечественная модель рынка будет нести на себе серьезный отпечаток нашей истории.

Перспективы развития российской экономики большинство (70%) опрошенных директоров предприятий связывают с необходимостью строить систему государственных институтов, опираясь на традиции России, ее исторический опыт. При этом 15% полагают, что следует строить систему государственных институтов, опираясь на опыт развитых стран, а 10% связывают развитие экономики со снятием всех преград для проявления предпринимательской активности.

Для характеристики складывающейся диспозиции элитных групп в целом полезно ввести некоторую матрицу их ориентаций, которая является определенной конкретно-исторической модификацией предложенной выше типологии. В качестве первой можно выделить оппозицию «реставрация — реформа», учитывая, что ориентации на сохранение «status quo» сегодня относительно малы. При этом рассматриваемая оппозиция имеет совершенно различные идеологические оформления, тесно связанные с ведущимися в обществе дискуссиями о путях общественного развития, о моделях, на которые возможно или целесообразно ориентироваться при проведении реформ. В этой связи следует указать на то, что в результате широких дискуссий о применимости «шоковой терапии» или «китайской» модели, связанной со значительной регулирующей ролью, большинство элитных групп стало соотносить их с российским опытом. В то же время позиция, базирующаяся на необходимости заимствования какой-либо модели, не является основной среди элитных групп.

К этой же оси примыкает ориентация, связанная с оценкой роли государства в социально-экономическом развитии. Здесь дело не только в том, что государство традиционно играло ключевую роль на всех этапах развития России. Ему всегда принадлежала роль инициатора и главного социального агента в проведении основных общественных реформ. Уже эта традиция проведения «реформ сверху» исходно завывает оценку соответствующих возможностей государства. Но одновременно и сами элиты, определяющие свою позицию, в значительной мере являются продуктами государственных структур и уже в силу этого продолжают рассматривать себя в качестве его агентов. Можно сделать вывод, что позиция государства в лице господствующих сегодня социальных групп становится предметом анализа со стороны элит и выступает сильным фактором рационализации их оценок, а также консолидации по оси «поддержка — противостояние». В свою очередь, эта консолидация подпитывает складывание позиций элит по другим базисным ориентациям социальной трансформации.

Таблица 5

Оценка готовности руководителей действовать в условиях рынка

	Мнение директоров (%)	Мнение работников (%)
1. Большинство руководителей уже готовы действовать в условиях рыночной экономики. Главным препятствием их деятельности являются правовые и организационно-экономические условия	33,3	18,3
2. Большинство руководителей стремятся и со временем смогут приспособиться к новым условиям. Необходимо время для такой адаптации	32,3	29,5
3. Большинство руководителей не смогут приспособиться к новым условиям. Необходимы прежде всего институционные преобразования (приватизация, демонополизация)	25,3	21,9
4. Большинство руководителей являются противниками рыночных отношений. Необходима смена менеджерского корпуса	6,1	15,5
5. Затрудняюсь ответить	3,0	13,8

Таблица 6

Что станет результатом приватизации

	Мнение директоров (%)	Мнение работников (%)	
		май 1992 г.	июнь 1993 г.
1. Создание необходимых условий для эффективной экономики	20,2	8,9	11,5
2. Освобождение личности, раскрепощение энергии и способностей людей	11,1	6,8	5,3
3. Возвращение людям собственности, накопленной их трудом	9,1	11,8	16,4
4. Легальное разграбление народного достояния	38,4	22,0	34,7
5. Утрата подлинных ценностей в погоне за материальными благами	9,1	13,5	9,2
6. Развал экономики	11,1	18,2	22,8
7. Затрудняюсь ответить	0,0	11,8	2,3

Результаты нашего опроса показывают, что различия между двумя исследуемыми группами лежат не в идеологии (хотя и несут на себе ее отпечаток), а в сфере *непосредственных экономических интересов*. Об этом, в частности, свидетельствует распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы, что зарплата вашего предприятия должна подниматься автоматически в соответствии с ростом стоимости жизни»? Положительно ответили на него 29,3% директоров и 70,3% рядовых работников. Мнения о том, что зарплата должна зависеть только от эффективности производства, придерживаются 69,7% директоров и лишь 26,9% работников. При этом 51,5% директоров наиболее важным считают повышение эффективности даже ценой большого сокращения персонала, а для 34,3% директоров наиболее важным является сохранение трудового коллектива даже ценой снижения эффективности. Эти данные свидетельствуют, что при общей рациональной ориентации на взаимоотношения с коллективом треть директоров готовы к компромиссам в тех случаях, когда это необходимо.

Интересна выявленная разница в оценке степени готовности действовать в условиях рынка, данная директорами самим себе, и оценка, данная работниками руководимых ими предприятий (см. табл. 5). В собственных глазах директора

Таблица 7

Желаемые сроки приватизации крупных промышленных предприятий

	Мнение директоров (%)	Мнение населения (%)
1. Должны быть приватизированы в этом году	10,1	11,1
2. В ближайшие 2—3 года	26,3	18,6
3. В течение 5—10 лет	15,2	9,2
4. Вообще не должны подлежать приватизации	48,4	59,4

являются значительно большими «рыночниками», чем это представляется рабочим и служащим возглавляемых ими предприятий.

Специального анализа заслуживает позиция как элитных групп, так и населения в целом относительно программы приватизации. Здесь, как представляется, довольно отчетливо видно соотношение идеологических и рациональных элементов в вопросе о преобразовании отечественной экономики (см. табл. 6).

Анализ таблицы 6 дает материал для оценки приватизации не только как социально-экономического процесса, но и как социальной ценности. Видно, что в сознании респондентов приватизация тесно связана с некоторыми широко распространенными идеологемами. Во-первых, это идея о том, что приватизация проводится в интересах мафии и «номенклатуры». Если эту идею в 1992 году разделяло 22% населения, то сегодня на 12,7% больше. Среди директоров такого мнения придерживаются около половины опрошенных. Это свидетельствует о том, что реальный ход приватизации укрепил такое мнение, не принеся ни заметного экономического эффекта, ни ощутимых выгод населению. Во-вторых, достаточно широко распространена надежда, что приватизация увенчается разделом собственности.

В-третьих, среди респондентов всех групп есть люди, которые связывают с переменой форм собственности свои опасения относительно распада привычного образа жизни, утраты духовных ценностей. Примечательно, что и среди директоров, и среди населения все меньше людей, озабоченных тем, что собственно является инструментальной основой приватизации, т. е. повышением эффективности экономики и ее идеологической основой — освобождением личности. Наконец, практически каждый пятый работник предприятий опасается, что процесс приватизации приведет к развалу экономики. Среди директоров таких пессимистов в два раза меньше.

Что касается мнений относительно желательных сроков приватизации крупных предприятий, то, согласно данным таблицы 7, имеется достаточно большой уровень согласия между исследуемыми группами.

Складывающиеся трансформационные ориентации

Интегральные макросоциальные ориентации в стране, на наш взгляд, определяются рядом факторов. Во-первых, преобладающими трансформационными ориентациями, которые складываются в ключевых элитных группах. Во-вторых, соответствием этих ориентаций ожиданиям и настроениям во внеэлитных группах. Серьезные расхождения между элитами и внеэлитными группами будут, с одной стороны, снижать уровень социальной поддержки соответствующих ориентаций, а с другой — деформировать само существо этих ориентаций, вкладывать в них те смыслы и представления, которыми руководствуются внеэлитные группы. Важным обстоятельством, во многом определяющим формирование и продвижение в социальную реальность выдвигаемых элитными группами трансформационных ориентаций, является степень сплоченности этих групп, харак-

теризуемая не только уровнем внутреннего согласия, но и социальной активностью в продвижении собственного, выношенного трансформационного проекта.

Материалы исследования, как представляется, позволили ответить на многие вопросы относительно того, какие предпосылки складываются на микроуровне для интеграции в те или иные трансформационные ориентации. Первый вывод, который может быть сделан, состоит в том, что в исследованных слоях общества преобладают модернизационные ориентации. «Реставраторские» настроения являются, скорее, демонстрируемыми на идеологическом уровне, чем реальными, подкрепленными социально-экономическими интересами и реализуемыми моделями социального действия. Даже реставраторские настроения сегодня выступают как формы консервативной трансформации с восприятием ряда уже ставших необратимыми социальных инноваций. В этом смысле можно говорить о необратимости рыночных реформ при всем различии непосредственных их оценок всеми действующими социальными субъектами.

Ключевым вопросом является место макросоциальной трансформационной ориентации в диспозиции относительно способа (источника) формирования социальных механизмов. Как показали исследования, в элитных группах, наряду с социальной справедливостью, сохраняющей свое конституирующее значение, остающейся и сегодня суперценностью для всех социальных групп, социальными ориентирами являются социальная стабильность и экономическая эффективность. Последняя еще только начинает пробивать себе дорогу у наиболее продвинутых в рыночном отношении представителей директорского корпуса.

В качестве субъекта трансформации обе рассматриваемые группы видят только государство как основной институт, способный разрешить существующие социально-экономические противоречия и выступить лидером трансформационного процесса. Свои собственные групповые и корпоративные интересы они, безусловно, соотносят или даже отождествляют с государственными, считая себя выразителями государственных интересов. Свое недовольство реальным функционированием государственных институтов они рассматривают как требования к «улучшению их работы». При этом следует обратить внимание, что подобное выделение трансформационного субъекта предопределяет существенное сужение представления о возможностях других аналогичных субъектов.

В отношении диспозиции «рациональное—идеологическое» можно было бы с уверенностью заявить о преобладании рациональных ориентаций. Для этого, казалось бы, имеется такое основание, как отказ большинства представителей элитных групп ориентироваться на заимствованные образцы и модели проведения реформ.

Однако, как показывает анализ заявляемых ориентаций, практически у всех представителей элит можно зафиксировать явную отнесенность к тому или иному идеолого-политическому лагерю. Особый интерес представляют ситуации, когда на инструментальном уровне элитные группы проявляют свою прагматическую модернизированность, а на демонстративном — неглубокую идеологическую приверженность к различным лагерям. В этой ситуации, по нашим наблюдениям, среди элитных групп преобладает определенная модификация прежней «социалистически оформленной модернизации» с некоторыми новыми идеологическими оттенками. Ее можно назвать «идеологически оформленной модернизацией». При этом существенной стороной такой трансформационной парадигмы является ориентация на сильное государство, выступающее не только как социальный арбитр, но и лидер проводимых преобразований, задающий их основные контуры и механизмы.

В соответствии с такой ориентацией рассматриваемые элитные группы выстраивают собственные модели социального действия, способы интерпретации характера функционирования всей системы социально-экономических и политических институтов. Это означает, что в рамках происходящего сегодня в России трансформационного процесса сложилось достаточно глубокое противоречие. Оно характеризуется расхождением между ориентациями верхнего эшелона

на государственной власти и поддерживающих ее идеологических элит, с одной стороны, и индустриальных элит — с другой. Если «верхи» демонстрируют свою приверженность буржуазно-капиталистическим конструкциям хозяйственной и политической жизни, то директорский корпус выражает приверженность «идеологически оформленной модернизации».

Другим элементом данного противоречия является расхождение относительно субъекта трансформационного процесса. «Верхи» частично апеллируют к «мондиализму», а по преимуществу блокируют использование государства в качестве субъекта трансформации, расчищая тем самым путь другим субъектам трансформации, прежде всего разного рода корпорациям.

Такое противоречие, во многом традиционное для истории реформ в России, открывает дорогу двум основным вариантам трансформационного процесса. Согласно первому, региональные и корпоративные элиты путем политического давления и делегирования своих представителей на ключевые посты верхних эшелонов российской власти постепенно изменят характер трансформационных ориентаций «верхов», обеспечив тем самым интеграцию трансформационных ориентаций и преодоление указанного противоречия. Согласно второму, «верхи», оказывая политическое, силовое и идеологическое давление, будут продолжать «проталкивать» свой вариант трансформационной ориентации, усиливая напряжение противоречий в ориентациях указанных частей российских элит. Это означает усиление раскола элит и практическую блокировку процесса интеграции социальной трансформации, фрагментирование всего трансформационного процесса.

Существенным фактором, способным оказать влияние на реализуемость первого или второго из названных вариантов, как показывают результаты исследования, может стать довольно высокий уровень соответствия трансформационных ориентаций индустриальной и, по-видимому, региональной элит, с одной стороны, и внеэлитных групп — с другой. Попытки реализовать второй вариант с использованием инструментов тотального государственного и идеологического контроля со стороны «верхов», как представляется, могут привести лишь к социальной мимикрии при существенном наполнении функционирования основных социальных институтов моделями социального действия, тесно связанными с трансформационными ориентациями, сложившимися в наиболее массовых и влиятельных группах.

Таким образом, анализ процессов социальной трансформации показывает, что наиболее вероятными являются сохранение «идеологически оформленной модернизации» (возможно, с небольшими флюктуациями идеологического оформления с учетом требований идеологической мимикрии) и формирование соответствующей этой ориентации системы социально-экономических и политических институтов. В плане развития хозяйственного механизма это означает постепенное формирование рыночных отношений с существенными элементами социальных гарантий, корпоративных отношений и т. п. В политическом плане это, скорее всего, будет ослабленный авторитарный режим со значительной автономией региональных элит.